

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 156–164.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 156–164.

Научная статья
УДК 130.31+159.922
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.019

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ + ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГРЕССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ

Макаров Сергей Константинович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
struin2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9574-3358>

Аннотация. Проблема условий возможности развития человека является актуальной как в философии, так и в психологии. Целью исследования является совмещение психологического и философского дискурсов для решения проблемы условия возможности личностных преобразований в процессе развития человека. В исследовании применены концептуальный анализ и синтез идей философии и психологии применительно к проблеме развития человека. Философской базой исследования служат философия трансгрессии, философия бессознательного и философия подлинности человеческого существования. Психологической базой являются подходы Л. С. Выготского, Ж. Пиаже и Дж. Келли к проблеме психического развития. Автор придерживается философско-антропологического подхода к человеческому существованию (рассматривает бытие человека изнутри него самого). В статье представлено определение развития человека как процесса перехода потенциальных возможностей в актуальные; показано, что условием развития человека является контакт с его бессознательным. Раскрыто понятие метанойи (изменения сознания) как основного события трансгрессии – перехода человека на новую ступень развития. Демонстрируется роль «звериного» начала в процессе трансгрессии. Описана роль трансгрессии в процессе обретения человеком подлинности существования, необходимого для личностного развития. На основании обнаруженных автором междисциплинарных точек опоры делается вывод о возможности успешного концептуального синтеза философского и психологического подходов к проблеме развития человека, для которого необходимо продуктивное сотрудничество психологов и философов.

Ключевые слова: развитие человека, бессознательное, трансгрессия, метанойя, философская антропология, психология развития, концептуальный синтез, субъект, кризис развития, бытие-вопреки

Для цитирования: Макаров С. К. Психология развития + философия трансгрессии: концептуальный синтез // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 156–164. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.019>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY + PHILOSOPHY OF TRANSGRESSION: A CONCEPTUAL SYNTHESIS

Sergey K. Makarov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
struin2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9574-3358>

Abstract. The problem of conditions for the possibility of human development is relevant both in philosophy and psychology. The purpose of the research is to combine psychological and philosophical discourses in order to solve the problem of conditions of the possibility of personal transformation in the process of personal development. The study uses a conceptual analysis and synthesis of ideas from philosophy and psychology in relation to the problem of personal development. The philosophical basis of the research is philosophy of transgression, philosophy of unconscious and philosophy of authenticity of human existence. The psychological basis is the approaches of L. S. Vygotsky, J. Piaget and J. Kelly's approach to the problem of mental development. The author adheres to a philosophical and anthropological approach to human existence (considers the existence of man from within himself).

The article presents the definition of human development as a process of transition of potential capabilities into actual ones; it is shown that the condition for man's development is contact with his unconscious. The concept of metanoia (change of consciousness) is revealed as the main event of transgression, the transition of a person to a new stage of development. The role of the "bestial" origin in the process of transgression is demonstrated. The role of transgression in the process of a person's gaining authenticity of existence necessary for personal development is described. Based on the interdisciplinary points of support discovered by the author, it is concluded that a successful conceptual synthesis of philosophical and psychological approaches to the problem of human development is possible, which requires productive cooperation between psychologists and philosophers.

Keywords: personal development, unconscious, transgression, metanoia, philosophical anthropology, developmental psychology, conceptual synthesis, subject, crisis of development, being-despite

For citation: Makarov S. K. Developmental psychology + philosophy of transgression: a conceptual synthesis. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 156–164. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.019> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В своей работе мы хотели бы рассмотреть одну из ключевых для психологии и философии проблем – развитие человека – под углом совмещения философской и психологических оптик. Актуальность нашего исследования определяется проблемой «недостатка глубины» со стороны психологии и в то же время оторванностью философских теорий и концептов от реальной жизни человека. В настоящем исследовании мы делаем попытку закрыть зазор между концептуально-метафизическим и практико-эмпирическим подходами к проблеме развития человека, предложив свой подход, подводящий философские понятия и метафизические рассуждения под вполне конкретный материал, с которым работает психология.

Мы стремимся дать психологическому дискурсу об индивидуальном развитии метафизические основания, используя существующие в философской антропологии наработки и подходы к анализу человеческого бытия. Необходимость такого обоснования психологии кажется нам сегодня как никогда актуальной, свидетельством тому является отсутствие в психологических исследованиях глубинной рефлексии об онтологических, бытийных причинах изучаемых феноменов. Так, описывая недостатки современной «эмпирической» психологии, О. Власова пишет: «Психологические тесты имеют ценность, вскрывая закономерности: они могут связать агрессивность с тревожностью и фрустрацией, уровень эмпатии с эмоциональностью и т. д., <...>. Однако беда психологии в том, что установленные связи стимулируют развитие психологической теории лишь виришь, а не вглубь. В этих плоскостных по своему характеру стандартизированных методиках особняком стоят проективные тесты. В силу своей претензии на глубину они трудно стандартизируются, но глубина эта так и остается онтологически неукорененной, рождая как недоверие самих психологов, так и претензии философов» [3, с. 22–23].

Таким образом, эмпирическая психология реферирует сама к себе – ее исследования (по крайней мере, эксплицитно) не предполагают обращения к фундаментальным онтологическим основаниям человеческого существования – игре, грезе, языку, труду и эротике. Однако, если мы берем различные концептуальные сетки психологических исследований, то философская ангажированность психологов становится очевидна, например в когнитивно-поведенческой психологии принимается предпосылка о человеке как существе мыслящем, в гуманистической – как о существе переживающем, в психоанализе – как о травмированном. С другой стороны, имеются прецеденты использования эмпирических психологических исследований философами: так, Ф. Гиренок в своей статье «Сладкое и соленое: философия социального» ссылается на психологический эксперимент из фильма Ф. Соболева «Я и Другие» [6, с. 223], посвященного в том числе феномену конформизма. Эксперимент состоит в том, что дети по очереди пробуют на вкус предложенную им кашу, причем у всех детей каша сладкая, а у одного – соленая. Конформизм состоит в том, что, если ребенка, попробовавшего соленую кашу, спросить, какова она на вкус, он ответит: «Сладкая», вопреки собственным ощущениям, ориентируясь на ответы других. «У животного, – отмечает философ, – не существует разрыва между тем, как оно себя чувствует, и тем, как оно себя ведет» [6, с. 225].

Психологии необходима философия – она даст ей смысл и глубину, которой ей так не хватает. Философии нужна психология – она даст философским умозрительным понятием и концептам эмпирические корреляты. Будущее психологии, как и будущее философии, в их продуктивном сотрудничестве, междисциплинарных синтетических исследованиях. Однако с обеих

сторон есть серьезные препятствия к этому «светлому будущему»: философы привыкли к работе в спекулятивной, умозрительной плоскости; психологи – в плоскости эмпирических исследований. Однако наблюдается и перспектива синтеза, например между нейропсихологией и философией сознания.

В своей работе мы наметим один из новых путей такого синтеза – между психологией развития и философией трансгрессии.

Основная часть

Психология развития

Проблема возникновения возрастных новообразований была впервые поставлена в отечественной психологии Л. С. Выготским (1896–1934). Им было представлено деление периодов возрастного развития на два типа: стабильный, во время которого происходит плавное накопление изменений в психике, и критический, когда накопившиеся внутренние изменения приводят к появлению в психике нового (ранее не существовавшего) качества [5, с. 11]. Выготский выделяет шесть возрастных кризисов: новорожденности, первого года жизни, трех, семи, тринадцати и семнадцати лет [5, с. 21]. В результате преодоления каждого из этих кризисов ребенок переходит на новую стадию психического развития. При этом каждый новый период имеет в себе старый в «снятом» виде [5, с. 19], т. е. за время стабильного периода у субъекта создаются условия для перехода на новую ступень, а в критический период происходит уже сам переход. Выготский отмечает, что переход на новую стадию подразумевает отказ от ранее выработанных способов взаимодействия с внешним миром, в связи с чем ребенок нередко становится трудно-воспитуемым, его поведение кардинально меняется, что свидетельствует о качественном преобразовании его сознания [5, с. 12–13]. Таким образом, процесс развития имеет диалектический характер: каждая последующая стадия «отрицает» предыдущую.

Можно представить процесс чередования стабильных / критических периодов развития следующим образом: в стабильном периоде у ребенка есть твердые основы, фундамент своих собственных действий. Его способы взаимодействия с внешним миром развиваются линейно, адаптируясь под изменчивые условия, но не меняются при этом качественно. Ребенок находится в состоянии относительного гомеостаза с внешней средой [5, с. 11]. Однако рано или поздно он сталкивается с ситуацией, когда привычные способы взаимодействия с миром не приносят желаемого результата. С одной стороны, ребенок изменяется изнутри психофизиологически, с другой – изменяются внешние условия среды вокруг него, что в совокупности составляет т. н. «социальную ситуацию развития» [5, с. 25–26]. Чтобы приспособиться к новым условиям (внутренним и внешним), ребенку требуется отказаться от старых моделей поведения, определяющих его существование [5, с. 17]. Такое противоречие между сформированными способами действия и изменившимися условиями приводит ребенка к переживанию кризисного периода. В этот период происходит качественная внутренняя перестройка сознания изнутри него самого, замена одних способов действия, восприятия, мышления на принципиально иные. В результате прохождения через кризис ребенок расширяет горизонты возможного – новые когнитивные модели способны учесть принципиально большее количество возможных ситуаций; они приспособлены как к тому, с чем человек имел дело на предыдущих этапах своего развития, так и к актуальным условиям.

После прохождения через кризис вновь наступает период стабильного развития, в процессе которого ребенок приспособливает и модифицирует приобретенные им способности для достижения лучшего результата [5, с. 11].

Итак, один цикл развития состоит из двух взаимосвязанных этапов. Первый этап: кризисный, который инициируется противоречием между доступными субъекту способами воздействия на среду, других людей и самого себя, и отсутствием удовлетворения собственных потребностей в результате их применения. Кризис приводит к внутренней трансформации субъекта, замене привычных стратегий на новые, которые способны разрешить сложившееся противоречие. Далее наступает второй этап: новое состояние стабилизируется и корректируется в зависимости от конкретных условий. Однако параллельно со стабилизацией психологического состояния идет процесс накопления новых противоречий, ведь каждый новый день ставит перед человеком новые трудности, и в какой-то момент текущих способов реагирования, сколь бы адаптированными они не были, начинает не хватать, в результате чего инициируется новый цикл развития.

Завершая анализ теории Выготского, стоит отметить, что автор ограничивает свою схему становлением человека с младенчества до 17 лет [5, с. 30], но ничто не мешает распространить логику его подхода на всю последующую жизнь человека, т. к. и после достижения зрелости человек рано или поздно вынужден перестраивать собственное сознание, столкнувшись с кризисом. Однако кризис взрослого человека принципиально отличается от кризиса ребенка: его развитие ограничено не психофизиологическими возрастными этапами, а выработанными когнитивными моделями, которые рано или поздно теряют свою эффективность в новых условиях, что было показано позднее в когнитивной психологии. Так, Ж. Пиаже (1896–1980) предполагает симметричный подходу Выготского взгляд на проблему развития с функциональной точки зрения.

С точки зрения Пиаже, процесс развития представляет собой процесс адаптации когнитивных способностей ребенка к объективным структурам и закономерностям [10, с. 11]. Адаптация представляет собой единство двух разнонаправленных процессов – ассимиляции, т. е. встраивания воспринимаемых объектов в когнитивную схему, и аккомодации – коррекции когнитивной схемы по отношению к свойствам объекта [10, с. 11–12]. Данный подход получил название генетической эпистемологии.

Свое развитие когнитивный подход получает в теории личностных конструктов Дж. Келли (1905–1967). Восприятие субъектом реальности происходит, по Келли, через систему т. н. «личностных конструктов» – способов интерпретации всех происходящих с человеком событий [7, с. 18]. Как происходит формирование конструкта? На каком-то жизненном отрезке определенный способ осмысления тех или иных вещей или событий показывает адаптивность человека, однако рано или поздно он попадает в ситуацию, когда старый способ восприятия действительности уже не приводит к желаемому результату, в результате чего человек оказывается не адаптирован к изменившимся условиям [7, с. 21–22]. Человек использует конструкты неосознанно, и не понимает, что он их использует и что можно мыслить мир как-то иначе. Работа психотерапевта заключается в том, чтобы указать человеку на неэффективность используемых им способов мышления, и помочь выработать новый, более адаптивный к изменившимся условиям личностный конструкт и внедрить его в сознание субъекта [7, с. 167–168]. Однако для этого требуется погружение внутрь своего Я, ведь только там человек может встретиться с самим собой и переосмыслить свое существование.

Философия трансгрессии

В философии разработан релевантный радикальной перестройке «способа быть» человека концепт – трансгрессия. Трансгрессия есть ни что иное, как невозможный переход, скачок из состояния А в состояние В [11, с. 91]. Представим себе, что субъект окружен в своем бытии определенной границей, перейти которую он не может. Это зона возможного – ее определяют имеющиеся на данном этапе развития у человека способы мышления и взаимодействия со средой. За границей возможного располагается зона ближайшего невозможного (сравним с понятием «зона ближайшего развития» у Выготского [5, с. 30]). В текущем состоянии она субъекту недоступна, он не может пересечь границу, для этого нужно отказаться от привычных стратегий существования и выработать принципиально новые.

Трансгрессия определяется М. Бланшо как «переход через непроходимое» или как «преодоление непреодолимого предела» [2, с. 72]. Человеку в каждый конкретный момент поставлены пределы, ограничивающие зону его возможного. Что нужно для того, чтобы перешагнуть эти пределы? Необходимо, как говорил Батай, «поставить себя», свое бытие, «под вопрос» [1, с. 506]. Это означает подвергнуть сомнению самые непосредственные основания своего существования, что и происходит в момент кризиса, когда человек ощущает онтологическую нехватку, отсутствие базисного чувства надежности и удовлетворения. Бытие человека ускользает от него самого, он чувствует, что теряет основания своего бытия в мире. Тогда человеку необходимо встретиться со своим Я, чтобы вновь обрести онтологические основания своего бытия [9, с. 37].

Итак, первая стадия процесса трансгрессии – кризис собственных оснований. Человек чувствует себя потерянным, «заброшенным» в мир, лишенным твердой почвы у себя под ногами. Ему необходима новая опора. Здесь наступает следующая фаза трансгрессии – контакт со своим бессознательным. Бессознательное мы понимаем не фрейдистски, как колодец вытесненных желаний, но как «внутреннюю сокровищницу», к которой субъект при определенных обстоятельствах может получить доступ [14, с. 95]. Такое понимание природы бессознательного дает возможность построить философско-психологический дискурс о перерождении личности в результате контакта человека с самим собой (своим Иным – бессознательным).

Бессознательное, с нашей точки зрения, является той внутренней реальностью субъекта, где все варианты развития событий существуют одновременно, все равно всему и все связано со всем [14, с. 96]. В обычной повседневной жизни мы находимся в сознании – мыслим логически и последовательно, выбираем лишь один вариант из всех возможных. Благодаря видению четко последовательной логической цепочки развития событий мы можем принимать решения и от одного действия переходить к другому. Однако в силу своей природы сознание существенно ограничено и не видит всей картины целиком (если бы мы ее увидели, то наверняка сошли бы с ума, – полноту всех связей может зреть лишь бесконечное существо, т. е. Бог), из-за этого мы вынуждены постоянно бродить в темноте, внутри своих старых когнитивных схем и конструктов – верный путь совсем рядом, но мы не способны увидеть его в силу ограниченности шорами сознания [13, с. 2].

Совершить невозможный переход – трансгрессию – нам позволяет бессознательное. В момент контакта с ним шоры сознания на мгновения раздвигаются, и нам открывается ранее невиданный путь – он всегда был, но мы не могли пойти по нему, потому что не видели его. Бессознательное предлагает решение проблемы, экзистенциального противоречия между возможностями

и потребностями, которую сознание разрешить не в силах. В этот момент старая, пошатнувшаяся во время кризиса онтологическая опора окончательно рушится, и на ее место встает новая. В этот момент человек внезапно осознает, каким способом ему достичь то, что раньше считалось им невозможным. Граница между возможным и невозможным оказывается преодолена, теперь невозможное стало возможным. «Она [трансгрессия], – писал М. Фуко, – утверждает определенное бытие, бытие в пределах, она утверждает эту беспредельность, в которую она перескакивает, открывая ее впервые существованию» [15, с. 118]. Шоры сознания вновь сдвигаются, но оптика восприятия субъектом мира, других и самого себя теперь уже принципиально иная – то, что раньше было для него проблемой, теперь таковой не является.

Процесс трансгрессии есть не что иное, как процесс самопознания и самореализации: все способности и возможности человека существуют внутри него изначально, но не даны ему. Если бы человек сразу владел всей полнотой собственных возможностей, то он был бы Богом. Но человек – существо конечное, определенное уровнем психофизиологического развития. Человек постепенно раскрывает свои способности, когда его сознание становится способно воспринять их без ущерба для психического здоровья. Процесс развития можно определить как процесс перехода потенциальных возможностей в актуальные. Таким образом, на протяжении всей своей жизни человек актуализирует свои скрытые возможности, совершая невозможные скачки из потенциального в актуальное.

Итак, человек – существо по своей природе ограниченное; однако границы постоянно пересекающее. Пересечение одной границы есть в то же время задание новой, которая также впоследствии будет преодолена в акте трансгрессии.

По сути, есть лишь две «настоящие» трансгрессии, совершаемые человеком, – первая есть его появление на свет, а вторая – его смерть. Благодаря рождению и смерти человек пересекает самую важную границу – своего существования. Между рождением и смертью происходит череда перерождений, отмирания старого и рождения нового.

В связи с трансгрессией следует упомянуть еще одну важную тему – тему подлинности. Трансгрессию можно также определить как процесс обретения человеком подлинности. Р. Лэйнг писал: «Он [индивид] может чувствовать себя скорее несубстанциональным, чем субстанциональным, и не способным допустить, что вещество, из которого он сделан, подлинное, добротное и ценное. И он может ощущать свое Я частично отделенным от тела» [9, с. 37–38].

В момент трансгрессии человек обретает единство с самим собой, ощущая свое подлинное Я. Это ощущение дает ему контакт с бессознательным. Ощущение подлинности ни с чем не сравнимо, оно возрождает человека к жизни на новых началах. Однако откуда оно берется?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к метафоре Зверя, предложенной Батаем: Зверь есть «свое Иное» человека, его сакральная часть, отверженная им в результате перехода от животной имманентности к осознанию своей отделенности от мира [1, с. 548]. Человек? в результате обретения им сознания и выхода из животного царства, оказался перманентно расколот, о чем свидетельствует устройство человеческого языка, в котором разделены означаемое и означающее [18, с. 131]. В акте трансгрессии человек обретает подлинность благодаря обретению единства с самим собой, своей генетически заданной, «звериной», сакральной частью. Единство с самим собой, достигаемое в трансгрессии, дает человеку возможность самому определить собственное существование, противопоставив его абсурду мира, в который он, по меткому выражению экзистенциалистов, оказался «заброшен». В результате трансгрессии человек не возвращается в лоно природы, но рождается заново именно как человек [1, с. 512]. С помощью трансгрессии человек обретает способность к реализации себя в мире и существованию вопреки объективному положению вещей. Человек, живущий не «благодаря», а «вопреки», утверждает свое подлинное бытие там, где, казалось бы, ему нет места, развиваясь благодаря отталкиванию от сопротивления внешней среды.

Синтез: междисциплинарные точки опоры

Психология говорит о развитии человека исходя из понимания его противоречия со средой, в которую он погружен. Философия заявляет тезис о двойственности человеческого бытия и ставит проблему его подлинности. Есть человек. Есть развитие человека. Как оно происходит, благодаря каким механизмам? Остается ли человек тождественным самому себе или постоянно меняется? По нашему мнению, существует несколько трансцендентных полярности обоих дискурсов (психологического и философского) концептуальных точек опоры, которые могут стать потенциальными источниками концептуального психофилософского синтеза.

Первая точка опоры – бессознательное. Дискурс о бессознательном был привнесен в психологию Фрейдом из философии [8, с. 27–54]. Сама концепция бессознательного требует философской проработки, т. к. она отрицательно отсылает к сознанию, которое само по себе «испокон веку» было основным предметом философского дискурса.

По моему мнению, бессознательное – это удобный термин, позволяющий отделить повседневную реальность профанного трудового быта от сумеречной области сакрального. Соотношение сакрального и профанного в человеческой жизни – отдельная тема в философской антропологии

и социологии, которой посвящены работы Мосса, Дюркгейма, Батая и Кайуа [12, с. 6]. Здесь же мы лишь отмечаем тот факт, что деление человеческого бытия на сознательное и бессознательное во многом соответствует и отражает его деление на профанное (эксплицитное, явное, дневное) и сакральное (имплицитное, неявное, ночное). Также понятие сакрального имеет непосредственное отношение к понятию трансгрессии в философии Батая – человек не имеет доступа к сакральному в повседневной жизни, и для его обретения необходима трансгрессия – преодоление запрета [1, с. 514]. Обоснованием внутреннего единства понятий сакрального и бессознательного для нас является их сокрытость, непроявленность, некая «внутренняя тайна». Поэтому можно сказать, что бессознательное – это сакральное внутри человека. Оно имеет, как показал Юнг, коллективные генетические истоки [17, с. 326]. Этим же объясняется, что человек изначально содержит в себе всю полноту своего потенциального бытия. Психологам недостает понимания природы сакрального и механики его функционирования, они за редким исключением (этим исключением являются работы К. Юнга и авторов из области трансперсональной психологии) ограничиваются анализом функционирования психического в рамках отдельно взятого индивида (психология личности и общая психология) либо индивида в группе (социальная психология), упуская коллективные истоки происхождения индивидуальных феноменов. Следствием этого упущения является неявное предположение о человеке как о *tabula rasa*, который становится личностью под влиянием интеракций с другими членами общества.

С нашей точки зрения, крайне важно говорить о человеке с позиций его непредопределенности Иным (культурой, обществом etc), однако у нас нет методологического инструментария для этого по многим причинам, первая из которых – невозможность объективно рассуждать о внутренних феноменах (со времен Бине психологи отвернулись по этой причине от метода интроспекции). Но программа эмпирической психологии приводит ее к проблеме, обозначенной в начале статьи, о которой говорил М. Фуко [16, с. 261–263], – она замыкается в «горизонтальной» плоскости самореференции и не способна сказать ничего принципиально нового.

Концепт бессознательного, по нашему мнению, является той областью, где философия может отстоять человечность человека. Когда мы говорим о том, что развитие человека предопределяется бессознательным, мы делаем очень важный методологический шаг. Мы раздваиваем человеческое существование на потенциальное и актуальное, исследуя механизм перехода одного в другое. В то же время мы считаем содержание бессознательного реальным, но не данным. Казалось бы, зачем тогда вообще говорить о том, что нельзя обнаружить? По той причине, что без этого нельзя объяснить то, что дано, что мы можем отследить эмпирически и исследовать, как это делает психология. Однако лишь философия способна что-то сказать о не-данном, но реальном. Это и есть бессознательное. Постулат о необходимости существования бессознательного объясняется известным философским принципом «*ex nihilo nihil fit*» («ничто не возникает из ничего»). Психология развития сталкивается с проблемой: когда старых моделей поведения субъекта не хватает для полноценного удовлетворения его потребностей, требуется радикальная перестройка его сознания. Но такая перестройка не может быть осуществлена линейно, посредством последовательных переходов. Как же она осуществляется? Тут приходит на помощь философия, и говорит, что она осуществляется путем трансгрессии, невозможного перехода. Однако, справедливо задать вопрос: как возможен невозможный переход? Чтобы ответить на него, требуется мыслить философски и диалектически: не бежать от парадоксов, но наоборот, идти вслед за ними и объяснять их.

Здесь мы касаемся философской проблематики возникновения нового и говорим о том, что ничего из ничего не возникает, потому что все уже есть. Применительно к человеку – он уже есть все то, чем может стать, ему лишь необходимо раскрыть тот или иной аспект своего бессознательного. Из этого следует, что радикальная перестройка сознания индивида всегда осуществляется изнутри, т. е. внешние влияния корректируют только то, чем субъект уже обладает, не меняя структуру самого субъекта. Однако в какой-то момент этого оказывается недостаточно, и нужно использовать внутренние ресурсы. Здесь стоит отметить, что этот внутренний запас потенциально бесконечен, и человек в какой-то момент получает к нему доступ, причем доступ ему предоставляется лишь к чему-то одному, тому, чего ему не хватает именно сейчас. Тогда происходит прозрение (инсайт) – человек внезапно осознает, в чем была проблема, ему приходит решение будто из ниоткуда. Тогда вся предыдущая цепочка развития « $A_1 - A_2 - A_n$ » снимается, уступая место новому качеству «В». Почему мы считаем, что это новое качество уже существует, а не получается простым сложением и трансформацией старых? По той причине, что человек чувствует, что что-то нашел, открыл внутри себя.

Тут мы соприкасаемся с проблематикой «невозможного» непосредственно. Опыт трансгрессии определяется как опыт получения доступа к невозможному, или опыт-предел [2, с. 72], переступания-за-границу. Это не меньше, чем опыт перерождения, никак иначе не объяснимый, чем через таинственную механику бессознательного, встречи с самим собой и обретения целостности. Опыт по определению есть то, что можно лишь пережить. Однако это не означает, что его нельзя концептуализировать.

Вторая точка опоры – метанойя. Акт осознания изменения себя, своей внутренней трансформации и перерождения путем встречи с самим собой (своим Иным внутри себя) мы, вслед за Д. Купером и Р. Лэйнгом, называем метанойей, или изменением сознания [4, с. 81]. Здесь мы имеем дело с выходом за пределы себя, переживаем трансгрессию феноменально, в личном опыте. Это опыт изменения себя, своего сознания. Он – следствие встречи со своим Я, со своим Иным, и представляет собой перестраивание всей структуры субъекта на новых началах. Это и есть предельный опыт, опыт потери собственных оснований и обретения новых. Метанойю можно определить в данном контексте как опыт трансгрессии, феноменально данное субъекту переживание изменения им самого себя. Опыт метанойи может описываться людьми как озарение, внезапное обращение внутрь себя и нахождения там внутренней подлинной основы своего бытия. Безусловно, метанойя происходит не беспричинно – ей предшествует отмеченный нами ранее кризис собственных оснований, постановка своего бытия под вопрос, что приводит к нахождению новых оснований внутри себя. Осознание их обретения и есть опыт метанойи. Весь же процесс перерождения в его целостности именуется трансгрессией. Метанойя – центральное событие трансгрессии, экзистенциальный перелом. После нее наступает завершающая фаза трансгрессии – это перестройка своей жизни, своих отношений с миром и своими ближними на основе полученных в результате метанойи знаний и опыта.

Безусловно, все вышеописанное может изучаться и фиксироваться эмпирически, и представляет интерес для нейропсихологии, т. к. непосредственно влияет на работу головного мозга (возможно, запускает ранее не активные процессы). Опыт метанойи есть не что иное, как фиксация субъектом в своем сознании произошедших с ним изменений и осознание их.

Третья точка опоры – бытие собой и его отражение в опыте. Что позволяет человеку мыслить и ощущать себя собой? Что позволяет человеку меняться, оставаясь самим собой? Для ответа на эти вопросы необходимо говорить о подлинности бытия, о целостности индивида и гармонии со своим Я. Здесь же мы задаем вопрос, что такое Я? Опять же, мы мыслим его как нечто не обусловленное извне, внутреннюю опору, позволяющую человеку существовать вопреки объективным условиям. Здесь мы отсылаемся к метафоре Зверя и говорим о том, что быть – значит, «быть вопреки», создавать условия для своего бытия там, где их не было и не будет. Человек чувствует бытие, ощущает его кипение тогда, когда существует вопреки – вопреки тому, что «есть», утверждая свое бытие там, где для него нет никаких оснований. Его существование в реальности базируется на нем самом, на том, кто он есть. Подлинное бытие обретается человеком в бытии-вопреки. Это и есть то, что можно назвать самостоятельностью, самодостаточностью или самостью. Это искусство, которое немногим подвластно.

Выводы

Результатом нашей работы стала разработка междисциплинарного подхода к проблеме индивидуального психического развития. В результате синтеза философского и психологического подходов нами были получены следующие выводы:

1. Для объяснения преодоления человеком кризиса психического развития необходимо обращение к концепту трансгрессии.
2. Основной движущей силой психического развития является бессознательное.
3. Трансгрессия осуществляется благодаря контакту со своей сакральной, «звериной» частью, находящейся в области бессознательного.
4. Процесс развития может быть определен как процесс перехода потенциальных возможностей в актуальные.
5. Изменения личности, происходящие в результате трансгрессии, воспринимаются индивидом в опыте метанойи.
6. Трансгрессия позволяет человеку выйти из порядка внешнего причинения и контроля, обрести внутреннюю свободу посредством освоения экзистенциального искусства «бытия вопреки».

В данной статье нам удалось затронуть и раскрыть с новой точки зрения ряд актуальных в психологических и философских исследованиях человека тем. Мы надеемся, что наш подход к проблеме развития и личностного роста найдет своих последователей, и наша работа получит свое продолжение в дальнейших исследованиях на стыке философии и психологии.

Разумеется, в процессе совместной работы философов и психологов неизбежны разногласия и противоречия, однако это только на пользу и тем и другим, т. к. аргументированная критика с обеих сторон позволяет взглянуть на одну и ту же проблему под разными углами, что позволит разработать в конечном итоге более согласованную, непротиворечивую и имеющую полезные следствия теорию человеческого существования.

Список литературы

1. Батай, Ж. Эротика / Ж. Батай // «Проклятая часть»: Сакральная социология. – Москва : Ладомир, 2006. – С. 489–705.
2. Бланшо, М. Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX в. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. – С. 63–77.
3. Власова, О. А. «Антропологический сон» М. Фуко: ранние работы / О. А. Власова // Фуко М. Ранние работы / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2015. – С. 3–82.
4. Власова, О. А. Опыт безумия и ничтожение бытия: от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии / О. А. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 3 (14). – С. 74–83.
5. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – Москва : Эксмо, 2005. – 512 с.
6. Гиренок, Ф. И. Сладкое и соленое: философия социального / Ф. И. Гиренок // Философия хозяйства. – 2016. – № 6. – С. 222–228.
7. Келли, А. Дж. Теория личности / А. Дж. Келли. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 249 с.
8. Лейбин, В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В. М. Лейбин. – Москва : Политиздат, 1990. – 395 с.
9. Лэйнг, Р. Д. Расколотоое Я / Р. Д. Лэйнг. – Санкт-Петербург : Белый Кролик, 1995. – 352 с.
10. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 192 с.
11. Подорога, В. А. Трансгрессия и предел / В. А. Подорога // Новая философская энциклопедия. – Москва : Мысль, 2010. – С. 91.
12. Ростова, Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека / Н. Н. Ростова. – Москва : Проспект, 2017. – 432 с.
13. Руднев, В. Принцип предопределенности: Жизнь против жизни в параллельных мирах / В. Руднев. – Москва : Академический проект, 2017. – 253 с.
14. Руднев, В. П. К новой теории бессознательного / В. П. Руднев // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 3. – С. 94–99.
15. Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX в. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. – 346 с.
16. Фуко, М. Ранние работы / М. Фуко. – Владимир Даль, 2015. – 285 с.
17. Юнг, К. Г. Структура бессознательного / К. Г. Юнг // Аналитическая психология. – Москва : АСТ, 2023. – 368 с.
18. Crow, T. Is Schizophrenia the Price that Homo Sapiens Pays for Language? / T. Crow // Schizophrenia Research. – 1997. – Т. 28, № 2–3. – P. 127–141. – doi: 10.1016/S0920-9964(97)00110-2.

References

1. Bataille, G. “*Proklyataya chast*”: *Sakralnaya sotsiologiya* [The Accursed Share: Sacred sociology]. Moscow: Lodomir; 2006, 742 p.
2. Blanchot, M. Opyt-predel [Limit-experience]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought in the Middle of the 20th Century]. Saint Petersburg: Mifril; 1994, pp. 63–77.
3. Vlasova, O. “Antropologicheskii son” M. Fuko: rannie raboty [M. Foucault’s “Anthropological Dream”: early works]. *Foucault M. Rannie raboty* [The Early Works]. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2015, pp. 3–82.
4. Vlasova, O. A. Opyt bezumiya i nichtozhenie bytiya: ot ekzistentsialnoy filosofii k ekzistentsialno-fenomenologicheskoy psixiatrii [The Experience of Madness and the Destruction of Being: from Existential Philosophy to Existential-Phenomenological Psychiatry]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Science Journal of Pushkin LSU]. 2008, no. 3 (14), pp. 74–83.
5. Vygotsky, L. *Psikhologiya razvitiya rebenka* [Developmental Psychology of the Child]. Moscow: Eksmo; 2005, 512 p.
6. Girenok, F. I. Sladkoye i solenoye: filosofiya sotsialnogo [Sweet and salty: philosophy of the social]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy]. 2016, no. 6, pp. 222–228.
7. Kelly, G. *Teoriya lichnosti* [A Theory of Personality]. Saint Petersburg: Rech; 2000, 249 p.
8. Leibin, V. *Freyd, psikhoanaliz i sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Freud, Psychoanalysis and Modern Western Philosophy]. Moscow: Politizdat; 1990, 395 p.
9. Laing, R. *Raskolotoe Ya* [The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness]. Saint Petersburg: Belyy Krolik; 1995, 352 p.
10. Piaget, Zh. *Psikhologiya intellekta* [Psychology of Intelligence]. Saint Petersburg: Piter; 2004, 192 p.
11. Podoroga, V. *Transgressiya i predel* [Transgression and Limit]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl; 2010, p. 91.

12. Rostova, N. *Izgnanie Boga. Problema sakralnogo v filosofii cheloveka* [The Exile of God. The Problem of the Sacred in Human Philosophy]. Moscow: Prospect; 2017, 432 p.
13. Rudnev, V. *Printsip predopredelenosti: Zhizn protiv zhizni v parallelnykh mirakh* [The Principle of Predestination: Life Versus Life in Parallel Worlds]. Moscow: Akademicheskii proekt; 253 p.
14. Rudnev, V. K novoy teorii bessoznatelnogo [Towards a New Theory of the Unconscious]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2010, no. 3, pp. 94–99.
15. Fuco, M. O transgressii [Preface to Transgression]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl serediny XX v.* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought in the Middle of the 20th Century]. Saint Petersburg: Mifril; 1994, 346 p.
16. Fuco, M. *Rannie raboty* [Early Works]. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2015, 285 p.
17. Jung, K. *Struktura bessoznatelnogo* [Structure of Unconscious]. Moscow: Renessans; 1991, 297 p.
18. Crow, T. Is Schizophrenia the Price that Homo Sapiens Pays for Language? *Schizophrenia Research*. 1997, vol. 28, no. 2–3, pp. 127–141, doi: 10.1016/S0920-9964(97)00110-2.

Информация об авторе

Макаров С. К. – аспирант.

Information about the author

Makarov S. K. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.